

Глава 8

Братья бросились назад, а вслед им еще долго неслись яростные крики госпожи Пан. Ли Цинхун от гнева тяжело дышал: обида душила его, но воспитание не позволяло вступать в перебранку со старшей женщиной.

Едва они приблизились к родному двору, как увидели Ли Цинфэна, который с самым невозмутимым видом восседал на верхушке забора их дома.

— Я же говорил: пустая это затея — к ним ходить, — буркнул Четвертый брат, спрыгивая на землю. — В той семейке честных людей отродясь не водилось. Словами их не проймешь, такие только когда их бьют, понимают.

Цинвэнь, едва переводя дух после бега, только рукой махнул:

— С теми, кто человеческой речи не внемлет, и спорить не стоит. Только сам в грязи изваляешься.

Ли Цинфэн довольно усмехнулся:

— Глядите-ка, наш Малыш и кусаться научился! Ничего, в следующий раз я тебя и кулаками махать научу.

— Ах ты, сорванец! Чему ребенка учишь?! — Из дома вышла госпожа Чэнь и, услышав последние слова сына, в сердцах прикрикнула на него: — А ну слезай живо! Весь забор обрушишь!

Цинфэн ловко спрыгнул во двор:

— Матушка, чтобы его не обижали, он должен уметь за себя постоять. Мужчина растет всё-таки!

В предвкушении завтрашней поездки в уезд братья никак не могли уговориться. Ли Цинхун и Ли Цинфэн наперебой рассказывали Малышу о городских чудесах: сколько там вкусного и диковинного, да только на всё нужны деньги. В городе даже за пучок зелени или охапку дров приходится платить звонкой монетой.

Проговорив добрую половину ночи, они едва успели сомкнуть глаза, как пришло время вставать.

В доме еще не зажигали свечей, чтобы не тратить зря масло. В полной темноте они наскоро выпили по чашке жидкой каши и, подхватив корзины, пустились в путь.

Несмотря на ранний час, деревня уже жила своей привычной жизнью: кто-то шел проверять поля, кто-то тянул воду из колодца.

Дорога к уездному городу была одна-единственная. Минуя каждое селение, Ли Цинхун терпеливо объяснял младшему брату: здесь живет такой-то родственник, а там — кумовья матери. Деревни стояли на разном расстоянии друг от друга, но из-за того, что люди постоянно роднились между собой, почти все жители в округе были так или иначе связаны узами родства.

Прошло около двух четвертей часа, прежде чем край неба подернулся белесой дымкой. Вскоре взошло солнце, и на тракте сталолюдно. Крестьяне тянулись на поля, кто-то ехал в гости, но большинство, как и семья Ли, держали путь к городским воротам.

Спустя два часа впереди показались городские стены. Мощное каменное основание венчала плотная кладка из серого кирпича, а по гребню неспешно прохаживались стражники. У ворот суета усилилась: народ сновал туда-сюда, а солдаты с мечами на поясах лениво оглядывали прохожих. Проходя мимо вооруженных людей, Цинвэнь невольно внутренне ждался.

За воротами открылась главная улица, пересекающая город с севера на юг. Шум толпы обрушился на них водопадом: крики зазывал и торговцев сливались в сплошной гул. Взгляду открылось пестрое многоголосье одежд. Многие, как и они, были облачены в грубую холстину, но то и дело мелькали люди в нарядах из шелка и атласа — по их холеным лицам, не тронутым загаром и морщинами, сразу было видно богачей. Суетились слуги в синих одеждах, привычно кланяясь и заискивая перед господами.

Для горожан как раз наступило время завтрака. По обе стороны улицы теснились лотки: тут торговали горячими баоцзы, там — пышными маньтоу, дальше дымились котлы с кашей. Аппетитные запахи плыли над мостовой, заставляя путников невольно сглатывать слюну.

Уезд Люшань славился немалым числом жителей, но из-за удаленности и неудобного сообщения не считался богатым. Однако торговля здесь шла бойко, а коробейники и бродячие торговцы привозили немало диковинных вещиц из дальних мест, собиравших толпы любопытных. Улицы и лавки никогда не пустовали.

Ли Цинхун и Ли Цинфэн, бывавшие в городе лишь считанные разы, вертели головами, не скрывая восторга. Ли Цинвэнь старался не отставать, примечая каждую мелочь.

Ли Маосянь не стал задерживаться на улице и направился напрямиком к южной части города, в лавку мелочных товаров, чтобы спросить, на месте ли хозяин.

Из-за прилавка нехотя поднялся молодой приказчик. Окинув их небрежным взглядом, он лениво буркнул:

— Коли нужно чего — говори, а владельца тревожить нечего.

Ли Маосянь вежливо ответил:

— У меня есть одна занятная вещица, вот и хотел узнать, не возьмет ли ваше заведение её на продажу...

— Не берем ничего! Проваливайте! — Услышав, что перед ним не покупатели, а просители, малый окончательно потерял терпение. — Ишь, вырядились в обноски, а туда же — «вещица занятная»! Видал я таких умников, обманом нажиться хотят...

Едва семья Ли повернулась, чтобы уйти, им в спину долетело презрительное ворчание парня. Ли Цинфэн мгновенно вскинулся и, обернувшись, рявкнул:

— Собака плешивая! Ты как с людьми разговариваешь?!

Он уже хотел было вернуться и проучить наглеца, но Ли Цинхун и отец вовремя удержали его. Работник, однако, оказался не из робких: он выскочил на порог и ткнул пальцем прямо в лицо Цинфэну:

— Это я-то собака? Погляди на себя, нищеврод! В кармане ни гроша, хуже последнего попрошайки, а еще лаешься!

Одежда на них и впрямь была поношенной, в заплатках, и богачами они отнюдь не выглядели. Но сносить такие оскорбления Ли Маосянь не пожелал. Лицо его потемнело:

— По одежке встречаете, говорите? Что ж, юноша, коли вы так торговлю ведете, не стоит ли мне вывесить у ваших дверей табличку: «Вход только для вельмож»?

Приказчик не ожидал, что простоватый с виду крестьянин ответит так складно и твердо. Заметив, что прохожие стали останавливаться и прислушиваться к перебранке, малый испугался и, покраснев, поспешил скрыться в магазине.

Когда они отошли на приличное расстояние, Ли Цинфэн всё еще кипел от негодования. Ли Маосянь, вздохнув, обратился к сыну:

— Фэн-эр, ты в каждом споре готов лезть на рожон. Как же я тебя отпущу в дальние края, коли ты даже малой обиды снести не можешь?

Четвертый брат прикусил язык.

— Тот малый просто невоспитан, — продолжал отец, — а ты уже за меч хватаешься. Ежели в чужих краях, где тебя никто не знает, ты по всякому поводу будешь в драку лезть, случись беда — и на помощь позвать будет некому.

— Так что же, давать всякому себя в грязь втоптывать?! — возмутился Ли Цинфэн.

— Вовсе нет, — спокойно ответил Ли Маосянь. — Но надобно по обстоятельствам судить. Превыше всего — жизнь и безопасность сберечь, а не на рожон лезть. В родной деревне всё просто, а на чужбине осторожность — твой лучший друг. Настоящий муж должен уметь и согнуться, и распрямиться. Разумеется, коли кто совсем на шею сесть вздумает — терпеть не след. Но помни: в выдержке — истинная сила.

Повернувшись к остальным сыновьям, он добавил:

— Вы двое нравом потише, но и вы запомните мои слова.

Ли Цинхун и Ли Цинвэнь согласно кивнули.

В следующей лавке хозяин оказался на месте. Он вежливо выслушал Ли Маосяня, но забава с коробом его не заинтересовала, и он мягко отказал. Глава семьи не стал настаивать, поблагодарил и вывел детей на улицу.

Две неудачи подряд заставили Ли Цинвэня приунуть. Солнце уже стояло высоко, и припекало изрядно. Все четверо порядком вспотели.

Проходя мимо лавки сладостей, они заглянули внутрь. На полках лежали леденцы и разная выпечка. Солодовый сахар был здесь самым дешевым товаром, и брали его чаще всего. Цинвэнь внимательно осмотрел товар: он был темным, с множеством пузырьков воздуха. Видимо, его варили не из клейкого риса, а из чего-то подешевле.

Ли Маосянь купил несколько кусочков солодового сахара, и, попробовав его, все четверо решили, что он и вполтину не так хорош, как тот, что они варили дома.

Подкрепившись, они двинулись дальше. Удача улыбнулась им лишь в лавке на углу квартала. Едва Ли Маосянь обмолвился о деле, как толстый лавочник оживился и, потирая руки, попросил взглянуть на товар.

Достав короб из корзины, Ли Маосянь снял защитную ткань. Кости в коробе лежали гладкой стороной вверх, скрывая иероглифы. Цинвэнь уже хотел было подсказать отцу, но тот вовремя сжал его ладонь, призывая к молчанию.

Малыш прикусил язык.

Толстяк-хозяин с интересом оглядел короб и с улыбкой спросил:

— И как же в это играть?

По знаку отца Ли Цинвэнь принялся передвигать деревянные. Ловкими движениями он провел самую большую кость — «Барышню» — к выходу.

Лавочник хотел было взять игру в руки, чтобы рассмотреть получше, но Ли Маосянь быстро накрыл её тканью.

— Ну как, почтенный, что скажете?

Толстяк пожевал губами, похмыкал и наконец изрек:

— Ну, вещь занятная, хоть и не сравнится с облавными шашками или живописью. Видно, что труда вы вложили немало, так и быть — пожалею вас. Дам два ляна серебра. Но при одном условии: вы мне в подробностях опишете все ходы. Ведь коли никто не поймет, как в неё играть, — грош ей цена в базарный день, обычные дрова!

Услышав про два ляна, Ли Цинфэн и Ли Цинхун так и просияли. Два ляна! Это же почти две тысячи медных монет! Таких денег они сроду в руках не держали.

Заметив блеск в их глазах, торговец улыбнулся еще шире.

Но Ли Маосянь остался тверд:

— Благодарю за доброту, почтенный, но за два ляна мы эту игру не отдадим.

С этими словами он спокойно убрал короб обратно в корзину.

Цинвэнь оторопел. Поначалу слова хозяина его огорчили: он-то считал забаву куда более ценной, но два ляна казались огромным богатством. На эти деньги можно было купить лекарства матери и запастись зерном.

Однако он промолчал, доверяя отцу.

Пухлый торговец тоже не ожидал такого решительного отказа.

— Пойдите, почтенный, не спешите! В торговле ведь как заведено: один предлагает, другой рядится. Коли цена не по нраву — давайте толковать.

Ли Маосянь ответил:

— Я человек неотесанный, в торговых хитростях не силен, вы уж простите. Вы — знаток своего дела, так скажите честно: какова ваша крайняя цена?

Хозяин лавки, видя, что сбить цену с налета не выйдет, не терял радушия и принялся заходить издалека:

— Посудите сами: лучше всего у нас расходятся шашки шуанлу. Цена их зависит от резьбы да материала. Коли брать из простого дерева, как у вас, так и за несколько сотен монет не всякий купит...

Он внимательно следил за выражением лица Ли Маосяня и продолжал неспешно:

— Ваша вещица хороша новизной, да только Бог весть, понравится ли она людям. Ежели я заплачу дорого, а товар застрянет на полке — так я же в убытке останусь...

Отец слушал молча. Видя, что крестьянина не удастся разжалобить, толстяк понял: перед ним человек тертый.

— Ладно, не буду рисковать попусту... Дам восемь лянов. Коли пойдет торговля — после еще добавлю.

Восемь лянов?! У Ли Цинхуна глаза едва не вылезли из орбит. Великие предки, на восемь лянов вся их семья могла прожить года два, а то и три!

Ли Маосянь кивнул:

— Ваша правда, почтенный, торговля убытка не терпит. Но эту игру придумал мой сын, и мне горько отдавать её за бесценок. Мы пойдем, подумаем еще, и коли надумаем — вновь вас потревожим.

Хозяин лавки полагал, что восемь лянов заставят деревенщину потерять голову от счастья, но, получив отказ, так и застыл с раскрытым ртом. Он еще пытался что-то вставить, но Ли Маосянь вежливо сложил руки в прощальном жесте и увел сыновей прочь.

<http://bllate.org/book/15828/1428272>